

Императорская столица раскинулась в самом сердце Великой Юн, занимая половину всей территории города. Возвышающиеся дворцы, величественные и монументальные, заслоняли собой небо, от их вида перехватывало дыхание. Императорская гвардия, закованная в латы, с суровыми лицами несла караул повсюду, превращая город в неприступную крепость, где не оставалось ни единой щели.

Миновав череду извилистых переходов и запутанных галерей, Се Аньлань и Лу Чэнлин вместе ступили на дворцовую лестницу, после чего в воздухе зазвучали один за другим доклады о прибытии гостей. Вскоре створки дверей распахнулись, и слуга, подобострастно согнувшись в поклоне, проводил их во Дворец Цзинхуа.

Сын Неба, облаченный в черное императорское одеяние, восседал на возвышении. Заметив вошедших, он лишь слегка приподнял веки, по его лицу невозможно было прочесть ни гнева, ни радости.

До прихода сюда Се Аньлань многократно прокручивал в голове правила этикета, необходимые для аудиенции, поэтому сейчас не растерялся и, вторя каждому движению Лу Чэнлина, отвесил положенный поклон. Се Цанмин едва заметно приподнял бровь, машинально покручивая на пальце нефритовое кольцо: он был удивлен тем, что Князь Чэнь внезапно стал столь послушным правилам.

Се Аньлань не заметил взгляда императора и, завершив церемонию, послушно замер в ожидании слов правителя. Однако Сын Неба долго хранил молчание. Вспомнив о репутации своего персонажа, Се Аньлань стиснул зубы, поднял голову и открыто посмотрел прямо в глаза императору.

Стоило их взглядам встретиться, как Се Цанмин отпустил кольцо, опустил веки и спросил голосом, в котором по-прежнему не угадывались эмоции:

— Почему ты не явился во дворец вчера?

Се Аньлань выдохнул с облегчением и равнодушно ответил:

— Забыл.

Се Цанмин не удивился. Всех тех, кого он прежде присылал обучать Се Аньлани правилам приличия, тот доводил до белого каления. Чего еще было ждать от человека, который даже накануне собственной свадьбы пропадал в игорном доме?

Се Цанмин опустил взгляд и, нахмурившись, произнес:

— Но про еду ты не забыл.

— Ой... Если бы брат не напомнил, я бы совсем из головы выбросил, что сегодня утром так спешил, что даже позавтракать забыл! — Се Аньлань хлопнул себя по затылку, изображая

крайнюю досаду.

Се Цанмин сжал кулаки. Его так и подмывало рассмеяться от возмущения. Он полагал, что после женитьбы, под присмотром супруга, брат станет хоть немного благоразумнее, но тот остался всё таким же непутевым.

— Пустомеля! — Се Цанмин взмахнул рукавом в жесте осуждения.

— Брат прав, в следующий раз я обязательно буду помнить, — Се Аньлань поспешно и покорно признал вину.

Се Цанмин молчал.

— Подайте Князю Чэнь и Княгине Чэнь завтрак, — в конце концов, махнул рукой император, не зная, что еще делать с этим недоразумением.

Затем он с глубоким чувством обратился к Се Аньланю:

— Раз уж ты женился, учись быть серьезнее. Есть вещи, которые делать можно, а есть те, что нельзя. В конце концов, теперь ты не один, думай о своем доме...

Се Аньлань уплетал императорское угощение и, слушая наставления Се Цанмина, лишь механически кивал. Когда император закончил и обернулся, то увидел, что Се Аньлань его даже не слушал. Он покачал головой, оставив попытки вразумить младшего брата. Затем он перевел взгляд на Лу Чэнлина, который с самого входа стоял неподвижно, словно безмолвное украшение интерьера.

Заметив на нем женский наряд, который сидел совсем не по фигуре, император спокойно спросил:

— Ты держишь на меня обиду?

Лу Чэнлин покачал головой, выпрямил спину и ответил:

— Не держу.

— Почему? — Се Цанмин поднял чашку с чаем и сделал глоток.

Лу Чэнлин без колебаний произнес:

— Я — подданный Великой Юн. Первое, чему меня учили с рождения — это преданность государю и любовь к стране. С течением времени эти четыре слова впитались в мой костный мозг. Ваше Величество — повелитель Великой Юн, я предан Великой Юн, я предан Вашему Величеству, так что не держу никакой обиды.

Слова эти вызвали у Се Цанмина бурю противоречивых чувств. Он вспомнил Государственного герцога Лу — воина с такой железной волей, который в итоге пал на поле боя из-за собственного младшего сына, так и не дождавшись достойного погребения.

На сердце стало тоскливо. Кто знает, сколько еще продержится Великая Юн? Быть может, пройдет всего несколько лет, и от династии Юн не останется и следа, нынешнее величие обратится в прах, а он сам станет последним правителем, чье имя покроет позором страницы истории.

Впрочем, эта печаль лишь на мгновение отразилась на его лице, после чего он снова спрятал эмоции и сухо произнес:

— Вот как.

Взглянув на непутевого Се Аньлани, он добавил уже мягче:

— Отныне вверяю Князя Чэнь тебе.

— Ваше Высочество — достойный человек, — подтвердил Лу Чэнлин, глядя на Се Аньлани, который старательно делал вид, что созерцает лишь кончик собственного носа.

Се Цанмин довольно кивнул и, взяв кисть, вписал имя Лу Чэнлина в императорские списки рода. С этого момента судьбы Лу Чэнлина и Се Аньлани стали неразрывны.

Едва он закончил писать, как снаружи раздался экстренный доклад:

— Донесение! Срочная депеша! Племена степняков пошли в наступление на юг, форсировали реку Яньхэ! Маркиз Вэйюань разбит, город Вэйчэн потерян!

— Что?!

Услышав эту новость, Се Цанмин побледнел. На его руках вздулись вены, лицо исказила гримаса ярости и отчаяния. Лицо Лу Чэнлина тоже помрачнело.

Даже Се Аньлань, не обладавший полноценными воспоминаниями оригинала, прекрасно понимал: если Великая Юн столько лет успешно противостояла Племенам степняков, то лишь благодаря тому, что их разделяла река Яньхэ.

Степняки всю жизнь проводили в степях. Хотя они были невероятно искусны в бою и мастерски держались в седле, все они были абсолютно беспомощны в воде. Река Яньхэ была широкой, полноводной, и кони не могли ее перейти — это само по себе ослабляло мощь врага. Стоило лишь удерживать город Вэйчэн, что стоял у реки, как у врага не было пунктов снабжения, и прорваться они не могли.

Теперь, когда Вэйчэн пал, Племена степняков лишились всех преград. Они пронесутся по стране, сметая всё на своем пути. Гибель династии была неизбежна.

— Срочно вызвать генералов Хо и Ли во Дворец Цзинхуа! — Се Цанмин сжал кулаки до побеления костяшек. Его охватила паника, но лишь на миг, после чего он тут же взял себя в руки.

Се Аньлань и Лу Чэнлин, видя такое положение дел, благоразумно удалились. Они не стали пытаться встретиться ни с Императрицей, ни с вдовствующей императрицей, понимая, что сейчас никому не будет дела до них.

Как только они покинули дворец, на улицах начался хаос. Многие жители, узнав новости, в панике бежали. У лавок с рисом толпились люди, отчаянно пытаясь купить еды; цена, которая еще вчера была один лян серебра за два даня риса, в мгновение ока взлетела до одного ляна за дань.

Се Аньлань прильнул к окну кареты, становясь свидетелем начала краха эпохи. Еще вчера эта улица была полна процветания и покоя, а за один вечер всё изменилось. Еще вчера он мечтал о том, как заработает денег и восстановит имение вана, а сегодня уже вынужден думать о том, что ждет его после гибели страны.

И ведь прошло всего четыре дня с тех пор, как он попал сюда! Оглядываясь на эти четыре дня, Се Аньлань решил, что нет во всем мире попаданца несчастнее него.

— Ваше Высочество, вы напуганы? — видя, что Се Аньлань с самого выхода из дворца хранит молчание, спросил Лу Чэнлин.

Се Аньлань покачал головой. Он уже однажды умирал, страх перед смертью притупился, так чего ему бояться? Просто он чувствовал себя ужасно невезучим.

Едва попав в этот мир, он оказался по уши в долгах. С трудом расплатился с внешними, надеялся спокойно зарабатывать на выплату внутренних, как вдруг узнал, что страна вот-вот падет. Обычные люди могли бы сбежать, а он — нет. Казалось, всё его короткое перемещение в этот мир было нужно лишь для того, чтобы выплатить долги его тезки-предшественника.

— Похоже, твои деньги я смогу вернуть только в следующей жизни, — печально пробормотал Се Аньлань, глядя на Лу Чэнлина.

Самым страшным в прошлой жизни было то, что он умер, не успев потратить деньги, а самым страшным здесь — умереть, не успев их вернуть. Ну что за напасть!

Лу Чэнлин улыбнулся и утешил его:

— Ваше Высочество, не стоит быть столь пессимистичным. Потерян только город Вэйчэн, он

еще далеко от Императорской столицы, враг не прорвется так быстро. К тому же, в городе Цзячжоу есть естественный рубеж — глубокое ущелье, местность там труднопроходимая, обороняться легко, а атаковать трудно. У нас всё еще есть шансы на победу.

Помолчав, Лу Чэнлин добавил:

— В свое время мой дед именно благодаря ущелью в Цзячжоу отрезал подкрепление врага и измотал противника, ворвавшегося в столицу...

Он не успел договорить, как карета внезапно остановилась.

— Что происходит? — Се Аньлань выглянул на улицу — до имения вана было еще далеко.

— Какой-то больной выпал из аптеки рядом, преградил путь, карета не может проехать, — Лу Чуи, который правил лошадьми снаружи, сразу же объяснил ситуацию, так как видел всё своими глазами.

Се Аньлань приподнял занавеску кареты и посмотрел наружу. Посреди дороги действительно лежал мужчина, весь в крови и ожогах. Прохожие обходили его стороной, как будто он был вестником беды. Его семья стояла на коленях перед входом в аптеку и умоляла:

— Умоляю, проявите милосердие, спасите его! Он не совершил ничего дурного, его не наказывал Небесный гром, он просто обжегся древесным углем!

— Убирайтесь, убирайтесь отсюда! Ясным днем, на ровном месте, в вашем доме вспыхнул пожар — разве это не кара Небес? К тому же, едва вы притащили его сюда, как пришла весть о поражении у города Вэйчэн. Не ваш ли этот проклятый источник бед прогневал Небо и вызвал поражение?

Ученик лекаря намертво загородил проход, наотрез отказываясь впускать раненого в аптеку.

Се Аньлань, послушав их, покачал головой. Он знал, что древние люди суеверны, но не до такой же степени! Умудриться приплести болезнь человека к упадку целого государства!

Он велел Лу Чуи помочь поднять больного, а сам спрыгнул с кареты и обратился к женщине:

— Расскажите подробнее, что случилось?

Увидев роскошные одежды Се Аньлани, женщина в испуге простерлась на земле и, не смея ничего скрывать, проговорила:

— Господин, сегодня утром я, как обычно, встала готовить еду. В очаге скопилось много угольной пыли, я попросила мужа отнести ее в кладовую, чтобы сохранить до холодов и отапливать дом. Кто же знал, что едва муж занес уголь, как раздался страшный гром. Дом мгновенно взорвался и загорелся, а муж получил такие ожоги...

Женщина разрыдалась. У нее были живы свекор со свекровью, на руках трое малых детей — если муж умрет, как им жить дальше?

— А разве это не кара Небес?! — услышав рассказ, ученик лекаря лишь еще больше утвердился в своей правоте.

Окружающие согласно закивали, даже соседи этой женщины подтвердили, что всё так и было.

— Господин, умоляю, спасите его, он правда не делал ничего дурного! — видя такую реакцию людей, женщина совсем растерялась, не зная, действительно ли Небеса карают их семью, и только отчаянно молила о помощи.

— Чуи, заноси больного в карету.

Се Аньлань, конечно, не верил ни в какие небесные кары, но после рассказа женщины его осенило — он вспомнил об одной крайне важной вещи.

<http://bllate.org/book/26310/3150809>